

В многонациональном Советском государстве особую группу составляют малые народы Крайнего Севера. Великая Октябрьская революция пробудила их к самостоятельному творчеству. С помощью братских народов страны они успешно ликвидировали экономическую, политическую и культурную отсталость и как равноправные члены социалистического общества активно участвуют в построении коммунизма.

Предлагаемая работа посвящена одному из таких народов — корякам. В настоящее время они составляют коренное население Корякского национального округа Камчатской области. Их этногенез, своеобразная культура и ее место в общей культуре народов Приполярной зоны привлекали внимание многих исследователей. Коряки сравнительно поздно (только к концу XVII в.) попали в сферу экономического и культурного влияния Русского государства. Хотя это влияние и оставило заметный след в истории корякского народа, но не изменило коренным образом его общественного и бытового уклада жизни. Лишь в советскую эпоху в процессе осуществления ленинской национальной политики на социалистической основе было преобразовано оленеводческо-промысловое хозяйство коряков, сложились новые общественные отношения, ликвидирована вековая культурная отсталость. Таким образом, коряки, как и другие малые народы Севера, минуя все промежуточные общественные стадии, пришли к социализму.

Задача настоящей работы — осветить недостаточно вскрытые в имеющейся литературе некоторые особенности некапиталистического пути развития коряков. Автор стремился проследить историю социалистических преобразований у этого народа за годы Советской власти: переустройство хозяйства, процесс формирования современной культуры и изменение быта. Исторический принцип, положенный в основу работы, обусловил ее структуру. Она состоит из двух частей: в первой дается общий очерк хозяйства, материальной культуры и развития общественных отношений в дореволюционный период (конец XIX — начало XX в.); во второй — история социалистического строительства

с начала установления Советской власти до середины 60-х годов (конца семилетки).

Работа не претендует на исчерпывающую полноту. Многие вопросы этнографии коряков достаточно отражены в литературе. С учетом этого были оттенены малоизученные вопросы, в частности этнографические особенности отдельных локальных групп коряков, более подробно рассмотрена проблема общественного устройства коряков, которая до сих пор является дискуссионной, а также ряд других.

При обобщении материалов советского периода основное внимание было сосредоточено на социалистических преобразованиях у коряцкого населения. Это объясняется, во-первых, задачами данной работы; во-вторых, общие вопросы развития экономики и культуры Коряцкого национального округа в целом (развитие государственной промышленности, использование трудовых ресурсов и др.) освещены в монографии И. С. Гурвича, К. Г. Кузакова (1960). С момента написания указанной монографии прошло 10 лет. Эти годы характеризуются дальнейшим расцветом экономики округа, ростом материального благосостояния его населения и большими изменениями в культуре и быте коряков и других малых народов.

Источниками настоящей работы, кроме опубликованной литературы, послужили экспедиционные материалы Коряцкого отряда Северной экспедиции Института этнографии АН СССР, собранные в течение трех полевых сезонов,¹ материалы Камчатского областного архива и Архива Института этнографии АН СССР, коллекции Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого АН СССР и Музея этнографии народов СССР, а также периодическая печать.

Автор выражает глубокую благодарность партийным и советским работникам Коряцкого национального округа, всем информаторам-корякам, оказавшим большую помощь в экспедиционной работе, а также сотрудникам Сектора Севера Института этнографии за ценные советы в процессе подготовки работы.

История изучения. Наиболее ранние известия о коряках относятся к 1669 г. Их сообщил приказчик Охотского острога М. Сосновский, основываясь на рассказах тунгусов.² Первые этнографические сведения о коряках Камчатки были получены в 1700 г. от якутского пятидесятника Владимира Атласова, который в 1697 г. из Анадырского острога отправился «для прииску новых земель».

¹ Кроме автора, в экспедиционной работе принимали участие Ч. М. Таксами (1960 г.) и А. И. Мухлинов (1961 и 1964 гг.).

² Н. Н. Степанов. «Пешие тунгусы» Охотского побережья в XVII в. В кн.: Сибирь периода феодализма, вып. 2. Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965.

В результате его похода была открыта Камчатка и собраны интересные данные о ее населении, в том числе и о коряках.³

Большой вклад в изучение Камчатки и ее населения был сделан Второй камчатской экспедицией (1733—1746 гг.). Грандиозная даже по современным масштабам, эта экспедиция одной из своих основных задач ставила изучение коренного населения. Наиболее ценные материалы по этнографии коряков были собраны участником экспедиции С. Крашенинниковым, тогда студентом, впоследствии выдающимся русским ученым. Он пробыл на Камчатке четыре года (1737—1741). Сам побывал у карагинских и паланских коряков и через специальных информаторов получил материалы по другим группам. В его «Описании земли Камчатки»⁴ содержатся сведения о расселении коряков, их материальной культуре, религиозных представлениях, свадебных, похоронных и других обрядах. Интересны замечания С. Крашениникова о близости культуры оленных коряков с культурой чукчей; большую ценность представляют его лингвистические материалы, особенно словарь авачинских оленных коряков и островных карагинцев. (обе эти группы в настоящее время исчезли).

Отдельные замечания о коряках имеются также в работе другого участника Второй камчатской экспедиции — Г. Стеллера.⁵ К сожалению, остались неопубликованными материалы по охотским корякам, собранные переводчиком экспедиции Я. Линденау.⁶

В 1788 г. у коряков побывал французский консул Ж. Лессепс, участник экспедиции Лаперуза. В 1790 г. он опубликовал дневник своего путешествия.⁷ Его наблюдения над бытом коряков поверхностны, но некоторые заслуживают внимания, в частности описание селений.

В середине XIX в. этнографией коряков занимался К. Дитмар — чиновник особых поручений по горной части при губернаторе Камчатки. Он провел на полуострове пять лет (1851—1855 гг.) и, занимаясь геологическим обследованием территории,

³ «Скаска» Атласова о его походе впервые были опубликованы в 1891 г. Н. Оглобиным (Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки. ЧОИДР, 1891, кн. III), а затем в 1935 г. в сб. «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке» (Л., 1935).

⁴ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. Изд. 1-е, СПб., 1755; изд. 2-е, СПб., 1786; изд. 3-е, СПб., 1818—1819 (в кн.: Полное собрание ученых путешествий по России, тт. 1, 2); изд. 4-е, М.—Л., 1949. — В последнем издании в качестве приложения опубликована часть архивных материалов С. Крашениникова. В них содержатся дополнительные сведения по этнографии коряков.

⁵ G. W. Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt und Leipzig, 1774.

⁶ Эти материалы находятся в ЦГАДА, в портфелях Миллера (см.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, стр. 553).

⁷ Lessers. Journal historique du voyage..., pt. 1—2. Paris, 1790. Русское издание: Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири, ч. I—III. М., 1801—1802.

интересовался, помимо этого, бытом населения. Кроме собственных полевых материалов, К. Дитмар широко пользовался сведениями чиновников, купцов и других лиц, длительное время живших среди коряков, а также официальными статистическими отчетами. На основании этих материалов им была написана интересная статья, затрагивающая вопросы общественного строя коряков.⁸ Подробные дневники К. Дитмара были опубликованы спустя сорок лет.⁹

Из других лиц, оставивших свои заметки о пребывании среди коряков во второй половине XIX в., можно назвать Д. Кеннана, участника экспедиции компании Российско-Американского телеграфа (1864—1867 гг.). Его книга «Кочевая жизнь в Сибири» не может претендовать на роль научного исследования, но в ней встречаются отдельные интересные наблюдения над бытом коряков.¹⁰

Конец XIX в. в истории изучения коряков ознаменовался выходом в свет нескольких новых работ. Из них в первую очередь следует назвать двухтомный труд доктора Н. Слюнина, посвященный экономико-географическому описанию Охотско-Камчатского края.¹¹ Он написан с привлечением большого фактического материала (полевых сборов автора, архивных материалов и статистических данных). Из других заслуживают внимания работы А. Ресина¹² и В. Маргаритова.¹³

Большую роль в деле этнографического изучения коряков сыграла Северо-Тихоокеанская экспедиция Дрезупа, организованная совместно Нью-Йоркским музеем естественной истории и Петербургской Академией наук (1900—1902 гг.). Экспедиция ставила перед собой очень широкие задачи этногенетического характера — исследование древнейших связей между аборигенным населением Азии и Северной Америки. Для решения этих задач потребовалось комплексное изучение коренного населения крайнего северо-востока Сибири.

⁸ К. Дитмар. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах. ВРГО, 1855, ч. XV; 1856, ч. XVI.

⁹ K. Ditmar. Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851—1855. Th. 1—2. Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. 3 Folge, Bd. VII. St. Petersburg, 1890; Bd. VIII. St. Petersburg, 1900. — На русский язык переведена первая часть работы: К. Дитмар. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг., ч. I. Исторический отчет по путевым дневникам. СПб., 1901.

¹⁰ G. Kennan. Tent life in Siberia and Adventures among the Koraks and other Tribes in Kamtschatka and Northern Asia. London, 1870. — Имеется несколько изданий этой работы на русском языке. См., например: Д. Кеннан. Кочевая жизнь в Сибири. Приключения среди коряков и других племен Камчатки и Северной Азии. СПб., 1872, и др.

¹¹ Н. В. Слюнин. Охотско-Камчатский край. Естественнo-историческое описание, тт. I—II. СПб., 1900.

¹² А. А. Ресин. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. ИРГО, 1888, т. XXIV, вып. III.

¹³ В. Маргаритов. Камчатка и ее обитатели. Зап. Приамурск. отд. РГО, т. V, вып. I, Хабаровск, 1899.

Корякский отряд экспедиции возглавил известный этнограф и опытный полевой работник В. Иохельсон. Отряд работал главным образом среди населения Пенжинской губы и в течение года собрал этнографические материалы по быту коряков. Впервые были записаны фольклорные тексты (частично на фонографе) и сделаны антропологические измерения коряков, проводилось также изучение их языка. Кроме того, участники экспедиции привезли богатую коллекцию этнографических предметов.

По материалам экспедиции В. Иохельсоном была написана двухтомная обобщающая монография о коряках, вышедшая в трудах Дрезуповской экспедиции на английском языке.¹⁴ В ней дано описание хозяйства, материальной культуры и религиозных представлений коряков. Значительно меньше места уделено исследованию общественного строя этого народа. Монография В. Иохельсона, хотя она и не лишена некоторых недостатков, до сих пор является наиболее полным описанием традиционной культуры коряков и поэтому служит незаменимым источником для этнографов, историков, археологов, занимающихся крайним северо-востоком Сибири. Свои полевые материалы В. Иохельсон использовал также для разработки более частных вопросов этнографии коряков.

В этнографическом изучении коряков принял участие и руководитель Анадырского отряда экспедиции В. Богораз. Зимой 1900/01 г. он посетил большинство корякских поселков западного побережья, на восточном побережье побывал у карагинских и алюторских коряков, а от них проехал к керекам. Во всех этих селениях им была произведена перепись населения и сделаны этнографические наблюдения. В. Богораз особое внимание уделял изучению диалектов корякского языка. Им же были обработаны и лингвистические материалы В. Иохельсона.¹⁵

Работы Северо-Тихоокеанской экспедиции были продолжены в 1909—1911 гг. Камчатской экспедицией, организованной на средства мецената Ф. Рябушинского. Возглавлял ее тот же В. Иохельсон. Основной задачей этой экспедиции, как и предшествовавшей, было выявление древних связей между коренным населением обоих побережий Берингова моря. Для этого планировалось изучение коренного населения Алеутских островов и полуострова Камчатки.

На территории расселения коряков экспедиция работала в конце 1910—начале 1911 г. В это время проводился сбор этнографических сведений об оленних коряках, кочующих в Тигиль-

¹⁴ W. Jochelson. The Koryak. Memoir of the Amer. Mus. of Nat. Hist., vol. VI, pt. I, II. Leiden—N. Y., 1905—1908.

¹⁵ W. Bogoras. 1) Koryak texts. Publications of the American Ethnological Society, vol. V. Leyden, 1917; 2) The Chukchee. Handbook of American Indian Languages. Bureau of Amer. Ethnology, bull. 40, pt. 2. Washington, 1922 (в этой работе исследована сравнительная грамматика трех родственных языков — чукотского, корякского и ительменского).

ском районе. Экспедицией была приобретена значительная коллекция по быту коряков и сделано большое количество фотоснимков.¹⁶

В последующее десятилетие специального этнографического изучения коряков не велось. В 1922 г. у тигильских кочевых коряков побывали члены Шведской ботанической экспедиции (1920—1922 гг.). Заметки об этой группе коряков были опубликованы руководителем экспедиции С. Бергманом.¹⁷

В советских условиях изучение малых народов Севера диктовалось практическими задачами социалистического строительства. Комплексное обследование хозяйства, культуры и быта этих народов было необходимо для того, чтобы быстрее ликвидировать их экономическую и культурную отсталость. В 1922 г. по заданию Туземного подотдела Отдела управления Дальревкома у гижигинских коряков и других народностей Охотского побережья работал известный исследователь Дальнего Востока В. Арсеньев. Он собрал материалы главным образом по промыслам и экономике этого района.¹⁸ С 1924 г. вся работа по преобразованию экономики и быта малых народов Севера сосредоточивается во вновь созданном органе — Комитете Севера. В круг обязанностей его входит также сбор необходимых сведений о жизни и нуждах этих народов, изучение их истории, культуры и быта. Комитет Севера направляет на работу в районы Крайнего Севера, в том числе и на Камчатку, специалистов (врачей, учителей, работников советского аппарата), которые наряду со своей основной работой собирают сведения по экономике и быту коренного населения. Для практической и исследовательской работы на Камчатке широко привлекаются и молодые этнографы — выпускники и студенты Ленинградского университета. Ряд этнографических материалов, собранных этими работниками, был опубликован на страницах журналов «Северная Азия», «Советский Север» и других изданий.

Из этнографических работ по корякам, вышедших с 1924 по 1930 г., т. е. до организации национального округа, наиболее значительной является работа Н. Беретти.¹⁹ Она целиком написана на полевых материалах и посвящена описанию традиционной культуры и быта коряков Пенжинского, Олюторского и Карагинского районов. В ней отсутствуют выводы и обобщения, но содержится большой фактический материал.

¹⁶ В. Иохельсоном были опубликованы только археологические материалы экспедиции.

¹⁷ S. Bergman. Vulkane, Bären und Nomaden. Reisen und Erlebnisse im wilden Kamtschatka. Stuttgart, 1926.

¹⁸ В. Арсеньев. Гижигинский промысловый район. ЭЖДВ, 1925, №№ 5 и 6.

¹⁹ Н. Н. Беретти. На Крайнем Северо-Востоке. Зап. Владив. отд. РГО, т. IV (XXI). Владивосток, 1929.

Много новых сведений о хозяйстве и культуре коряков было получено в результате Приполярной переписи 1926/27 г. Сами по себе материалы переписи являются богатейшим и почти единственным источником для характеристики предреконструктивного состояния хозяйства населения Севера. Кроме того, работниками переписи Камчатского округа был собран большой этнографический материал, позволивший К. Бауэрману, Е. Орловой и К. Шаврову опубликовать очерки-обзоры по отдельным районам.²⁰ В них наряду с географической характеристикой районов много внимания уделено описанию занятий и традиционной культуре коренного населения — оленным и оседлым корякам Пенжинской губы (К. Бауэрман); локальным группам коряков — паланцам, карагинцам, чавчувенам и алюторцам (К. Шавров); оленным корякам Тигильского района (Е. Орлова).

С образованием Корякского национального округа в 1930 г. и организацией Пенжинской культбазы усиливается работа по изучению коряков. В числе сотрудников культбазы работали такие квалифицированные этнографы, как А. Аполлов (1931—1933 гг.), Н. Билибин (1930—1932 гг.), В. Крылов (1932—1934 гг.), Н. Богданова (1931—1933 гг.). В эти годы активное участие в работе культбазы принял и К. Бауэрман, командированный Комитетом Севера для организации кузнечной мастерской в пос. Парень.

Основным направлением научно-исследовательской работы культбазы являлось исследование социально-экономических отношений у коренного населения. Такой интерес был вызван задачами социалистического строительства. Для реконструкции хозяйства и преобразования быта населения округа необходимы были сведения о формах хозяйства и характере общественных отношений. Этим вопросам посвящено большинство работ Н. Билибина. В ряде статей автор, исходя из марксистских положений, пытается проанализировать социально-экономические отношения у коряков-оленевонов (чавчувенов).²¹ Он детально разбирает структуру стойбищ, производственные отношения в них, организацию труда, имущественное и социальное неравенство, правовые нормы и ряд других вопросов социального строя оленеводов.

²⁰ К. И. Бауэрман. Пенжинский район Камчатского округа. (Краткий физико-географический, статистико-экономический и этнографический обзор). Дальневосточное статистическое обозрение, Хабаровск—Благовещенск, 1928, № 10 (49); Е. П. Орлова. Коряки полуострова Камчатки. СА, 1929, № 3 (27); К. Б. Шавров. О населении северной части полуострова Камчатки. Статистический бюллетень, Хабаровск—Благовещенск, 1927, № 5—6.

²¹ Н. Н. Билибин. 1) У западных коряков. (Очерк). СС, 1932, № 1—2; 2) Классовое расслоение кочевых коряков. [Хабаровск], 1933; 3) Батрацкий труд в кочевом хозяйстве коряков. СС, 1933, № 1; 4) Очерк распада примитивного коряцкого хозяйства. Рукопись (Архив ИЭ, К-II, оп. 1, № 288).

В других статьях Н. Билибин рассматривает производственные отношения оседлых коряков Пенжинской губы (паренцев, итканцев и каменцев): байдарные объединения, коллективные формы труда в морском зверобойном промысле, дуализм общинных отношений.²² Много внимания исследователь уделил анализу натурального обмена у коряков, который, по его мнению, явился результатом общественного разделения труда между оленеводческим и оседлым населением.²³ В большинстве статей Н. Билибина затронуты актуальные для того времени социальные проблемы, в частности возможность использования в практике колхозного строительства примитивных производственных объединений коряков.²⁴ Отдельный очерк посвящен положению женщины-корячки.²⁵

Все работы Н. Билибина написаны на большом фактическом материале, собранном им и другими работниками культбазы с привлечением статистических данных, и интересны в теоретическом плане. В то же время трудно согласиться с некоторыми положениями автора, например с характеристикой социально-экономических отношений оленевых коряков, которые он определяет как отношения развитого классового общества.

Интересный материал по морскому зверобойному промыслу пенжинских коряков (главным образом паренцев) был собран другим сотрудником Пенжинской культбазы А. Аполловым. Он также много внимания уделял изучению производственных отношений оседлых коряков.²⁶

Изучением социально-экономических отношений оленеводов Пенжинского района занимался и В. Крылов. Он провел экономическое обследование оленеводческих хозяйств этого района и собранные материалы опубликовал.²⁷ Исследователь выделяет два типа оленеводства у коряков — крупнотабунное и мелкотабунное — и дает их социально-экономический анализ. Много интересных фактов приводит он из истории колхозного строительства,

описывает трудности практической работы по советизации Пенжинского района. Однако В. Крылов, как и Н. Билибин, механически переносил категории капиталистического общества на докапиталистические отношения.

Этнографическая работа К. Бауэрмана, начатая во время Приполярной переписи, была продолжена стационарно в пос. Парень, где он занялся изучением пережитков архаических общественных отношений. Многие явления общественной и семейной жизни паренцев К. Бауэрман трактует как остатки родового строя.²⁸

В конце 20-х годов начал полевую работу на Камчатке ученик В. Богораза С. Стебницкий. Он около трех лет прожил среди коряков, совмещая педагогическую деятельность со сбором этнографического материала и изучением языка. С. Стебницкий прежде всего известен как лингвист и автор многих учебных пособий, а также как переводчик политической и художественной литературы на корякский язык и с корякского на русский. Его перу принадлежат общий очерк о корякском языке, статья о фонетических различиях в диалектах этого языка и очерк об алюторском диалекте.²⁹ С. Стебницкого особенно интересовали вопросы происхождения диалектов корякского языка, а в связи с этим и проблема генезиса отдельных локальных групп коряков. В таком плане им были написаны статьи об исследовании апукинского диалекта и происхождении апукинцев, о карагинском диалекте и образовании карагинцев.³⁰

В этнографическом отношении очень интересна статья С. Стебницкого о происхождении оленеводства у коряков-алюторцев.³¹ Заслуживает внимания и небольшая заметка о корякских детях.³²

В 1930 г. на территории Пенжинского района работала Пенжинская комплексная колонизационная экспедиция Дальневосточного краевого научно-исследовательского института под руководством П. Орловского. Ее участниками было проведено экономическое обследование района и населения.³³

²² К. И. Бауэрман. Следы тотемического родового устройства у паренских коряков. СС, 1934, № 2.

²³ С. Н. Стебницкий. 1) Нымыланский (коряцкий) язык. В сб.: Языки и письменность народов Севера, ч. III, М.—Л., 1934; 2) Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка. В сб.: Памяти В. Г. Богораза, М.—Л., 1937; 3) Алюторский диалект нымыланского (корякского) языка. СС, 1938, № 1.

²⁴ С. Н. Стебницкий. 1) Апукинский диалект нымыланского (корякского) языка. Рукопись (Архив ИЭ, К-II, оп. 1, № 142); 2) Нымыланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова. (К вопросу о происхождении карагинского диалекта нымыланского (корякского) языка в свете лингвистических материалов С. П. Крашенинникова). СС, 1939, № 2.

²⁵ С. Н. Стебницкий. Нымыланы-алюторцы. (К вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков). СЭ, 1938, № 1.

²⁶ С. Н. Стебницкий. Коряцкие дети. СС, 1930, № 4.

²⁷ Материалы экспедиции не опубликованы.

²² Н. Н. Билибин. 1) Формы материального производства береговых коряков Пенжинской губы. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 6; 2) Работа Корякского краеведческого пункта. СС, 1932, № 6.

²³ Н. Н. Билибин. Обмен у коряков. Л., 1934.

²⁴ Н. Н. Билибин. Среди коряков. СС, 1933, № 3.

²⁵ Н. Н. Билибин. Женщина у коряков. (Очерк). СС, 1933, № 4.

²⁶ А. Г. Аполлов. 1) Морской зверобойный промысел в Пенжинском районе. Рукопись (Архив ИЭ, К-I, оп. 1, № 54); 2) Классовое расслоение среди береговых коряков Пенжинского района. Рукопись (Архив ИЭ, К-I, оп. 1, № 101).

²⁷ В. М. Крылов. 1) Оленеводство Пенжинского района. (Корякский национальный округ). В кн.: Н. М. Ковязин, В. М. Крылов, А. Г. Подэкрат. Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера. Л., 1936; 2) В Пенжинском районе. СС, 1935, № 1.

Вопросам экономики коренного населения Корякского национального округа посвятил специальную монографию М. Сергеев.³⁴ В ней дан анализ промыслового хозяйства округа и перспективы его развития, подведены итоги социалистических преобразований к началу второй пятилетки. В другой монографии М. Сергеева о хозяйстве Камчатского края экономике и населению Корякского национального округа отведены самостоятельные разделы.³⁵ Автор особое внимание уделяет вопросам реконструкции хозяйства и быта коренного населения, рассматривает роль пережитков в колхозном строительстве.

Из других работ довоенного периода следует назвать интересные статьи Н. Шнакенбурга о кереках³⁶ и П. Борисковского по социальному строю коряков.³⁷ Первая по существу является единственной работой по этнографии кереков, до сих пор наименее изученной группы коряков. Она написана на полевых материалах автора, собранных им в 1937 г. Теоретическая статья П. Борисковского освещает сложные и малоисследованные вопросы социальной организации коряков.

В послевоенные годы получило широкое развитие новое направление в советской этнографии — изучение социалистических преобразований. Перед этнографами Севера встали такие задачи, как изучение нового быта и исследование этнических процессов на современном этапе. Центральным учреждением, координирующим эти исследования, стал Институт этнографии Академии наук СССР. Институт организовал ряд экспедиций по изучению малых народов Севера.

На территории Корякского национального округа в 1956—1957 гг. работал Корякский отряд Северной экспедиции (участники И. Гурвич и К. Кузаков), в 1960, 1961 и 1964 гг. — Камчатский и Корякский отряды той же экспедиции (руководитель В. Антропова). Основной задачей этих поездок являлся сбор материалов по новому быту коренного населения Корякского национального округа.

Материалы, собранные И. Гурвичем и К. Кузаковым, легли в основу обобщающей работы — очерков по географии, истории, этнографии и экономике Корякского национального округа.³⁸ Отдельные главы в ней посвящены истории и этнографии, описанию нового быта и культурному строительству у коряков. Много внимания уделено также этническим процессам. В заключении

³⁴ М. А. Сергеев. Корякский национальный округ. Л., 1934.

³⁵ М. А. Сергеев. Народное хозяйство Камчатского края. М.—Л., 1936.

³⁶ Н. Б. Шнакенбург. Нымыланы-кэрэки. СС, 1939, № 3.

³⁷ П. И. Борисковский. О пережитках родовых отношений на северо-востоке Азии (юкагиры и коряки). СЭ, 1935, № 4—5.

³⁸ И. С. Гурвич, К. Г. Кузаков. Корякский национальный округ. М., 1960.

авторы останавливаются на перспективах развития хозяйства округа и подъеме культуры его населения.

По частным вопросам этнографии коряков И. Гурвичем опубликованы отдельные статьи о промысловых праздниках и о религиозных пережитках.³⁹ Экспедиционные и архивные материалы легли в основу обобщающей монографии И. Гурвича об этнических процессах на северо-востоке Сибири.⁴⁰ Хронологические рамки работы очень широкие. Этническая история этого района прослежена с середины XVII в. до современности. Отдельные разделы монографии посвящены корякам.

К. Кузаковым, вторым участником экспедиции, опубликованы статьи о Пенжинском оленеводческом совхозе⁴¹ и колхозе «Полярная звезда».⁴² В обеих статьях даны характеристика хозяйства, организация труда и описание быта колхозников и рабочих совхоза коряков и другого коренного населения Пенжинского района.

Из публикаций последних лет (до 1969 г.) о корякском национальном округе можно назвать небольшую статью К. Кузакова и В. Ларькина о развитии экономики и культуры округа в 1965—1966 гг. и доклад Н. Старковой о культурном строительстве в годы семилетки.⁴³

Общие теоретические вопросы социалистического строительства у малых народов Севера, в том числе и у коряков, освещены в монографическом исследовании М. Сергеева о некапиталистическом пути развития этих народов.⁴⁴

В исследованиях послевоенных лет большое место заняли также вопросы, связанные с разработкой проблемы этногенеза народов Крайнего Северо-Востока, в их числе и коряков. По этим вопросам опубликованы монографии Г. Дебеца и М. Левина.⁴⁵

³⁹ И. С. Гурвич. 1) Корякские промысловые праздники. ТИЭ, нов. сер., т. LXXVIII, М., 1962; 2) Отмирание религиозных верований у народов северо-востока Сибири. В кн.: Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР. М.—Л., 1966.

⁴⁰ И. С. Гурвич. Этническая история северо-востока Сибири. ТИЭ, нов. сер., т. 89, М., 1966.

⁴¹ К. Г. Кузаков. У коряков среднего течения реки Пенжины. КСИЭ, вып. XXXII, М., 1959.

⁴² К. Г. Кузаков. Хозяйство, культура и быт колхозников Аянки. ТИЭ, нов. сер., т. LVI, М., 1960.

⁴³ К. Г. Кузаков, В. Г. Ларькин. Развитие экономики и культуры Корякского национального округа на современном этапе. Краевед. зап., вып. 1, Петропавловск-Камчатский, 1968; Н. К. Старкова. Культурное строительство в Корякском национальном округе (1957—1964 гг.). В сб.: Материалы Второй дальневосточной межвузовской научной конференции по истории советского Дальнего Востока, Хабаровск, 1967.

⁴⁴ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. ТИЭ, нов. сер., т. XXVII, М., 1955.

⁴⁵ Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Камчатской области. ТИЭ, нов. сер., т. XVII, М., 1951; М. Г. Левин. Этническая антро-

Они построены в основном на новых антропологических материалах, хотя в работе М. Левина широко привлекаются и другие источники.

Краткие сведения справочного характера по этнической истории коряков (хозяйство, традиционная культура, социалистическое строительство) можно найти в серии «Народы мира».⁴⁶

Кроме этнографической литературы, сведения о коряках имеются в исторических, географических и археологических работах, в научно-популярной и очерковой литературе.⁴⁷

В заключение следует остановиться еще на одном источнике, важном для изучения традиционной культуры коряков, который довольно редко привлекается исследователями. Этим источником являются музейные коллекции. Богатые собрания по материальной культуре и верованиям сосредоточены в ленинградских музеях — Музее этнографии народов СССР и в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР. Ценные коллекции имеются также во многих музеях Сибири.

Расселение и численность. Подавляющее большинство коряков обитает на территории Корякского национального округа Камчатской области. Отдельные семьи коряков встречаются также и в других районах этой области. За пределами округа они в небольшом количестве проживают в Северо-Эвенском районе и южной части Чукотского национального округа Магаданской области.

Корякский национальный округ занимает северную часть Камчатского полуострова, Камчатский перешеек и прилегающую к нему часть материка. На западе округ граничит с Северо-Эвенским районом Магаданской области, на севере — с Чукотским национальным округом, на юге — с Соболевским, Быстринским и Усть-Камчатским районами Камчатской области; восточная граница — морская, является государственной границей СССР.

Территория Корякского национального округа делится на четыре района: Карагинский (центр — пос. Оссора), Олюторский (центр — пос. Тилички), Тигильский (центр — пос. Тигиль) и Пенжинский (центр — пос. Каменское). В Тигильском районе находится окружной центр — пос. Палана. В Карагинском корякское население сосредоточено в северной части в следующих поселках: Карага (колхоз «Ударник»), Тымлат, Кичига, Анапка (колхоз «Тумгутум»). В Олюторском районе коряки живут на побережье залива Корфа — в населенных пунктах Вывенка, Култушино, Олюторка (колхоз им. Горького) и далее на север в поселках Апука и Заречное (колхоз им. XX партсъезда). Кроме

пология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. ТИЭ, нов. сер., т. XXXVI, М., 1958.

⁴⁶ Народы Сибири. М.—Л., 1956.

⁴⁷ Обзор этих работ не входил в нашу задачу.

прибрежных селений, они обитают в глубинных поселках — Хаилино и Ветвей (Корфский совхоз) и в небольшом количестве в поселках Верхние Пахачи и Ачай-Ваям (Пахачинский совхоз). В Пенжинском районе коряки компактно населяют южную часть района, побережье Пенжинской губы и среднее течение р. Пенжины. Они составляют большинство населения в селениях Манилы, Парень и Рекинники (колхоз им. XXII съезда КПСС), Таловка (Таловский совхоз) и Слаутное (Пенжинский совхоз). В двух других национальных селениях — Аянка и Оклан (совхоз «Полярная звезда») корякское население малочисленно. В Тигильском районе коряки живут в населенных пунктах Палана, Воямполка, Кинкиль (совхоз «Паланский»), Белоголовое, Седанка (совхоз «Тигильский») и Лесная.⁴⁸

Кроме указанных пунктов, отдельные корякские семьи встречаются и в других селениях Корякского национального округа.⁴⁹

Общее количество коряков по переписи 1959 г. исчислялось в 6287 человек, из них 3038 мужчин и 3249 женщин.⁵⁰ В Корякском национальном округе проживало 5101 чел.⁵¹ Подавляющее большинство коряков обитало в сельской местности.

ТАБЛИЦА 1

Национальный состав населения Корякского национального округа на 1959 г. (%)

Малые народы Севера					Русские и другие национальности	Итого]
всего	коряки	ительмены	чукчи	эвены		
27.7	18.5	3.3	3.9	1.9	72.3	100

Примечание. Сведения взяты из книги «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года», стр. 205.

⁴⁸ Сведения о расселении даны на 1969 г.

⁴⁹ Кроме коряков, в Корякском национальном округе из малых народов Севера проживают чукчи, ительмены и эвены (см. табл. 1). Чукчи (около 1100 человек) обитают в северной части округа — на севере Пенжинского и Олюторского районов (главным образом в совхозах Пахачинский и «Полярная звезда»). Ительмены (около 900 человек) почти все живут на юге Тигильского района в колхозе «Красный Октябрь» (поселки Ковран, Хайрюзово). Эвены (около 500 человек) расселены в Пенжинском, Олюторском и Тигильском районах. Наиболее компактную массу населения они составляют в совхозе «Полярная звезда» (пос. Оклан). Кроме коренного населения, во всех населенных пунктах округа живут русские и представители многих других национальностей, не относимых к малым народам Севера. Это население по переписи 1959 г. составляло 72.3% (см. табл. 1). В последующие годы этот процент еще более возрос.

⁵⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (сводный том). М., 1962, стр. 186—187.

⁵¹ Там же, стр. 205.

Язык. Корякский язык вместе с чукотским и ительменским составляет чукотско-камчатскую группу палеоазиатских языков. Наиболее близок он к чукотскому. Диалекты корякского языка слабо изучены. С. Стебницкий определил в нём девять диалектов: 1) чавчувенский, 2) каменский, 3) апукинский, 4) паренский, 5) итканский, 6) алюторский, 7) карагинский, 8) паланский, 9) керекский.⁵² Чавчувенский диалект получил свое название от самоназвания коряков-оленевонов (чав'чу). Остальные диалекты, за исключением керекского, названы по наименованию основного селения, где они распространены: «каменский» от пос. Каменское, «алюторский» от пос. Олюторка и т. д. Керекский диалект получил название от небольшой локальной группы коряков — кереков.

П. Скорик и некоторые другие исследователи считают керекский и алюторский диалекты самостоятельными языками. Таким образом, в корякский язык включаются четыре диалекта — чавчувенский, апукинский, паренский и каменский; в алюторский — собственно алюторский, карагинский, паланский и укинский; керекский язык имеет два диалекта — майно-пильгинский и хотырский.⁵³

Основные различия между диалектами фонетические, довольно значительные морфологические и в меньшей степени синтаксические и лексические.

Название и самоназвание. Наименование «коряки» как официальное название народа известно по документам с середины XVII в. Позднее оно вошло и в научную литературу.

Первая попытка раскрыть семантику термина «коряк» принадлежит участникам Второй камчатской экспедиции Г. Стеллеру и С. Крашенинникову. Они считали, что это название происходит от корякского слова хора 'олень' и было распространено казаками: «Хора в корякском языке значит 'олень'; так как казаки при своем прибытии это слово чаще всего слыхали от этого народа... то они и называли его хоряки, или коряки, оленные мужики»,⁵⁴ — пишет Г. Стеллер. В. Богораз придерживался аналогичной точки зрения. По его мнению, слово «коряк» является производным от qorakъ, что обозначает 'состоящий при оленях'.⁵⁵ К этому мнению присоединился и С. Стебницкий: «Слово „ко-

⁵² С. Н. Стебницкий не считал такое деление окончательным, указывая, что термин «диалект» употребляется им условно (см.: С. Н. Стебницкий. Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка, стр. 286). Так, первоначально им был выделен в качестве особого диалекта «укинский», который при дальнейшем изучении исследователь признал говором карагинского диалекта (там же, стр. 291—292).

⁵³ П. Я. Скорик. Чукотско-камчатские языки. В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968, стр. 235.

⁵⁴ G. W. Steller. Beschreibung von den Lande Kamtschatka, s. 8.

⁵⁵ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. I. Л., 1934, стр. 8.

ряк», — пишет он, — по всей вероятности, происходит от нымыланского (корякского, — В. А.) корня qor 'олень', в южных диалектах — qorak 'при оленях, у оленей (пребывающие)'.⁵⁶

Коряки не имели единого самоназвания. Оленеводы именовали себя чав'чу 'оленевонов', 'богатый оленями'.⁵⁷ «... все опрошенные мною представители этой группы называют себя „чаучу“, совершенно четко отделяя свою группу от других коряков»,⁵⁸ — замечает К. Шавров. От этого слова в литературу вошли производные — «чавчувен», «чавчувены», «чавчувенский диалект». Этим же словом называли оленеводов и оседлые коряки.

У оленеводов-алюторцев существовало самоназвание нымыл'аремку 'кочующий житель'.

Оседлые коряки называли себя нымыл'ын 'житель', 'поселянин' (от корня ным 'место жительства'). Их называли также и оленеводы. Это слово, трансформированное по-русски в «нымылан», «нымыланы», при рассмотрении вопроса об уточнении наименований малых народов Севера в 1929—1930 гг. было принято в качестве общего названия вместо «коряки», но всеобщего распространения оно не получило, и поэтому восстановлено было старое официальное название «коряки».

Кроме указанных выше самоназваний, коряки очень часто именуют себя по месту обитания, например, вывнал'о — вывенцы; вайкенал'у — каменцы (жители пос. Каменского) и т. д.

В настоящее время в связи с процессом консолидации отдельных локальных групп коряков и ростом их национального самосознания наименование «коряки» становится не только названием, но и самоназванием.

Локальные группы. До социалистических преобразований по хозяйственным особенностям и образу жизни коряки делились на две группы: кочевников-оленевонов и оседлых — рыболовов и охотников на морского зверя. Оленеводы представляли более или менее однородную массу. Оседлые же коряки подразделялись на несколько территориально обособленных групп, существенно отличающихся между собой по языку и культуре.

Первый из исследователей, обративший внимание на локальные отличия в культуре оседлых коряков, был К. Дитмар. Он выделил четыре группы: каменцев и паренцев (население Пенжинской губы), паланцев (жителей западного побережья Камчатки от сел. Пусторецк на севере до Воямполки на юге), укинцев (коряков восточного побережья Камчатки до пос. Карага на севере)

⁵⁶ С. Н. Стебницкий. Нымыланский (корякский) язык, стр. 49.

⁵⁷ Там же. — В более поздней своей работе С. Стебницкий дает несколько иной перевод этого термина — 'принадлежащий к группе оленеводов, говорящих на чавчувенском диалекте' (см.: С. Н. Стебницкий. Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка, стр. 287).

⁵⁸ К. Б. Шавров. О населении северной части полуострова Камчатки, стр. 75.

и аlyторцев (коряков, живущих севернее укинцев).⁵⁹ Позднее В. Иохельсон уточнил сведения К. Дитмара. Он из общей группы каменцев-паренцев выделил паренских коряков (население поселков Парень и Куэл) и дополнил список еще двумя группами — итканцами (население трех поселков на м. Итканском) и кереками (самая северная группа коряков).⁶⁰ С. Стебницкий продолжил исследование локальных групп коряков в связи с изучением их языка. По его мнению, девять диалектов этого языка соответствуют девяти подразделениям корякской народности.⁶¹

Наиболее многочисленной группой являлись чавчувены, составляющие примерно 50% корякского населения (3500—3700 чел.). Все чавчувены были оленеводами. Они кочевали по всей территории современного Корякского округа, за исключением Карагинского и юго-восточной части Олюторского районов, придерживаясь главным образом глубинных тундр. Отдельные кочевья их находились и за пределами территории округа. Чавчувены являлись носителями особого диалекта.

Второе место по численности, около 25% (1800—2000 чел.), занимали аlyторцы. Они подразделялись на кочевых и оседлых. Поселки оседлых (Тымлат, Кичига, Анапка, Вывенка, Тиличи, Култушино, Олюторка, Хаилино и Ветвей) были расположены на восточном побережье Камчатского перешейка, от залива Корфа на севере до м. Тымлат на юге. На западном побережье аlyторским селением являлся пос. Рекинники. Кочевые аlyторцы обитали также на восточном побережье, но при перекочевках они заходили за хребет на западное. В хозяйстве аlyторцев наблюдалось сочетание оленеводства с рыболовством и морским зверобойным промыслом. Оленеводы-аlyторцы имели тесные экономические и родственные связи с оседлыми аlyторцами. «У них нередко были случаи, когда один из братьев — кочевник, другой — оседлый»,⁶² — сообщает С. Стебницкий. Все аlyторцы говорили на аlyторском диалекте корякского языка.⁶³

Паланцы (700—750 чел.) — оседлые коряки западного побережья (поселки Воямполка, Кахтана, Палана, Кинкиль, Лесная, Подкагерное), говорящие на паланском диалекте.⁶⁴ Паланцы — преимущественно рыболовы, но по сравнению с другими группами у них значительную роль играл пушной промысел.

⁵⁹ К. Дитмар. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах. ВРГО, 1855, ч. XV, стр. 56—63.

⁶⁰ W. Jochelson. The Koryak, pt. II, pp. 437, 440—441.

⁶¹ Общая характеристика локальных групп заимствована из работ С. Стебницкого (численность приведена по переписи 1926/27 г.). К сожалению, после С. Стебницкого изучение локальных групп велось только в области языка.

⁶² С. Н. Стебницкий. Нымыланы-аlyторцы, стр. 133—134.

⁶³ В настоящее время признается самостоятельным языком.

⁶⁴ Современные лингвисты считают его диалектом аlyторского языка.

Каменцы (500—550 чел.) — оседлые коряки девяти селений Пенжинской губы (Мамеч, Таловка, Каменское, Лываты, Орночек, Ягач, Шестаково, Микино, Тылхой). В хозяйственном отношении каменцы — прежде всего охотники на морского зверя. Они говорили на особом каменском диалекте.

К каменцам по хозяйственному укладу наиболее близки были паренцы и итканцы, носители паренского и итканского диалектов. Паренцев насчитывалось около 150 чел. Они жили в двух поселках (Парень и Куэл) в Пенжинской губе. Итканцы (около 100 чел.) составляли население трех поселков (Большая, Южная и Малая Иткана) на м. Итканском (восточное побережье п-ва Тайгонос).

Карагинцы (около 300 чел.) — оседлые коряки нескольких селений на территории современного Карагинского района (поселки Карага, Дранка, Ивашка).⁶⁵ Они являлись по преимуществу рыболовами. Начиная с XVIII в. карагинцы в большей степени, чем другие группы коряков, испытали влияние русской культуры. В результате длительного контакта с русским населением и смешанных браков значительная часть карагинцев утратила родной язык. По этому поводу С. Стебницкий пишет: «...из числа поселков коряков-карагинцев корякскими в полном смысле этого слова можно назвать только поселок Карагу».⁶⁶ По сведениям же К. Дитмара, в середине XIX в. карагинцы были расселены до р. Озерной на юге.⁶⁷ Карагинцы говорили на особом (карагинском) диалекте.⁶⁸

Апукинцы (около 200 чел.) — северные соседи аlyторцев. Они обитали по побережью Берингова моря, от р. Пахачи на юге до бухты Наталия на севере (поселки Пахача, Апука, Кавача, Тамак, Мачевна, Ватина). Этнографические особенности и язык (апукинский диалект) этой группы впервые были изучены С. Стебницким.

Последнюю группу со своим особым диалектом⁶⁹ составляли кереки (около 100 чел.). Территория, занимаемая ими, простиралась от бухты Наталия до м. Наварина. В настоящее время кереки административно входят в состав Чукотского национального округа.

Кроме указанных девяти локальных групп, имелось оседлое корякское население, которое даже в конце XIX в. трудно было причислить к той или иной группе. Это относится, в частности,

⁶⁵ К. Дитмар и В. Иохельсон называют эту группу укинцами (см.: К. Дитмар. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах, стр. 61; W. Jochelson. The Koryak, pt. II, p. 444).

⁶⁶ Архив ИЭ, К-1, оп. 1, № 50, л. 67.

⁶⁷ К. Дитмар. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах, стр. 61.

⁶⁸ В настоящее время считается диалектом аlyторского языка.

⁶⁹ Ныне признается самостоятельным языком.

к корякам Охотского побережья. Уже к концу XIX в., по сообщению В. Иохельсона, большая часть их обрусела, родной язык если и знали, то говорили неправильно.⁷⁰ В настоящее время почти все это население считается русскими.

В годы социалистических преобразований у коряков происходит процесс сближения отдельных обособленных групп, наблюдается постепенное стирание локальных различий в их культуре и бытовом укладе. Вопрос об изучении локальных групп имеет практическое значение, например для правильного уяснения этнических процессов, происходящих в округе, для постановки учебно-воспитательной работы в национальных школах, в организации труда в колхозах и в других областях хозяйственной и культурной работы. В теоретическом плане изучение отдельных локальных групп коряков представляет особый интерес в связи с разработкой вопросов этногенеза народов Крайнего Северо-Востока.

⁷⁰ W. Jochelson. The Koryak, pt. II, p. 436.

КОРЯКИ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

ГЛАВА 1

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила малые народы Севера от колониального гнета и положила начало новому некапиталистическому пути их развития. Декларация прав народов России, принятая Советом Народных Комиссаров 15 (2) ноября 1917 г., провозгласила равенство и суверенитет всех народов России. Но малые народы Севера ввиду их хозяйственной, политической и культурной отсталости не могли воспользоваться правами, предоставленными им Декларацией. Учитывая это обстоятельство, Коммунистическая партия разработала конкретную программу приобщения отсталых народов России к социализму. Она основывалась на ленинском учении о возможности непосредственного перехода от докапиталистических производственных отношений к социализму, минуя стадию капитализма.

Практическая разработка ленинского плана некапиталистического пути развития нашла отражение в постановлениях X съезда партии. Ликвидация национального неравенства, как отмечалось в резолюции съезда по вопросу «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», «есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства».¹ Съезд особо предупреждал местных работников о необходимости учета особенностей хозяйства, культуры и быта отсталых народов при проведении практических мероприятий: «Всякое механическое пересаживание на восточные окраины экономических мероприятий центральной России, годных лишь для более высокой ступени хозяйственного развития, должно быть отвергнуто».² Съезд также указал, что для ликвидации фактического неравенства отсталых народов не-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, 1898—1924. Изд. 7-е. М., 1954, стр. 559.

² Там же, стр. 561.

обходима помощь партии, чтобы эти народы могли создать и укрепить у себя советскую государственность, развить на родном языке школьное образование, прессу, театр и т. д., ускорить подготовку национальных кадров.³

Решения X съезда по национальному вопросу легли в основу социалистического строительства малых народов Севера. Ввиду малочисленности и низкого уровня хозяйственного, политического и культурного развития эти народы были выделены в особую группу, которая стала предметом особого внимания и заботы со стороны государства. Для работы среди малых народов Севера в 1922 г. при Отделе национальных меньшинств Народного Комиссариата по делам национальностей был создан специальный орган «Подотдел по охране и управлению первобытных племен Севера».

В группу малых народов Севера были включены и коряки. Советское строительство началось у них не сразу после свершения Великой Октябрьской социалистической революции. Это объясняется затянувшейся гражданской войной и интервенцией на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.), когда вся Камчатка оказалась отрезанной и изолированной от материковых районов страны.

После Февральской революции на Камчатке были образованы органы власти Временного правительства (Петропавловский городской и областной комитеты общественной безопасности). В августе 1917 г. состоялся Областной крестьянский съезд, который закрепил власть Временного правительства.⁴

После Великой Октябрьской революции на Камчатке создаются новые органы власти — Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов: в декабре 1917 г. в Петропавловске, затем и в некоторых других населенных пунктах — Охотске, Тигиле и др. Однако и комитеты общественной безопасности не были распущены. Советы быстро завоевывают популярность среди широких масс населения, и под их давлением в начале 1918 г. Областной комитет общественной безопасности был переименован в Камчатский областной комитет Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Одним из первых мероприятий Областного Совета было привлечение коренного населения к участию в работе Советов. Представители Совета выехали в стойбища для ликвидации института старшин и организации вместо них новых органов власти. В области экономических мероприятий было отменено обложение кочевников налогами.⁵

³ Там же, стр. 559.

⁴ Даты и события на Камчатке с марта 1917 г. по ноябрь 1922 г. заимствованы из сборника статей «За власть Советов на Камчатке (1917—1923)» (Петропавловск-Камчатский, 1957).

⁵ Б. И. Мухачев. Борьба за власть Советов на Камчатке в 1917—1920 гг. В сб.: Дальний Восток за 40 лет Советской власти. Комсомольск-на-Амуре, 1958, стр. 98—99.

Начавшаяся работа по организации Советов на местах была прервана контрреволюционным переворотом 12 июля 1918 г. Все прежние постановления Областного Совета были отменены, по всей Камчатке начался период реакции. В начале 1919 г. в Петропавловске власть сосредоточивается в руках областного управляющего, ставленника Колчака, а на местах восстанавливается институт волостных и сельских старост.⁶ Но колчаковцы не везде смогли провести это в жизнь, в некоторых местах продолжали свою деятельность Советы (например, в пос. Ука).

Для борьбы с колчаковщиной в Петропавловске был создан подпольный военно-революционный комитет, который провел большую работу по сплочению революционных сил и по подготовке к восстанию. В ночь с 9 на 10 января 1920 г. колчаковцы в Петропавловске были свергнуты, и власть перешла к военно-революционному комитету.⁷

На I Чрезвычайном петропавловском-на-камчатке уездном съезде Советов рабочих, крестьянских и инородческих депутатов (12 марта—7 апреля 1920 г.) на Камчатке была провозглашена Советская власть. Съезд принял ряд решений, направленных в целом на восстановление хозяйства и развитие культуры области. Был рассмотрен также «инородческий вопрос» и выпущено воззвание к местным народностям на корякском языке.⁸

В резолюции по инородческому вопросу предлагалось населению «относиться к кочующим мирно и дружелюбно». Особым пунктом было записано: «Прекратить эксплуатацию кочующих купцами, воспретить торг по стойбищам и предложить кооперативам приучать кочующих пользоваться кооперацией, для начала на особо льготных условиях». В целях развития хозяйства резолюция предусматривала: «поддерживать среди кочующих оленеводство». В области культурного строительства было намечено «привлекать детей кочующих в школы и просить местные Советы способствовать этому, как лучшему из путей сближения кочующих с жителями». В воззвании съезда к местным народностям говорилось об отношении новых органов власти к коренному населению: «Новое правительство хочет устроить вашу жизнь на хороших началах, все вы должны оказывать ему содействие».¹⁰

Дальнейшие мероприятия явились конкретизацией решений I Чрезвычайного съезда. Так, вскоре Областной Совет выработал

⁶ Там же, стр. 109.

⁷ За власть Советов на Камчатке (1917—1923), стр. 34.

⁸ Воззвание было опубликовано в местной печати (За власть Советов на Камчатке (1917—1923), стр. 41, 42).

⁹ За власть Советов на Камчатке (1917—1923), стр. 40—41.

¹⁰ Там же, стр. 41.

правила, ограничивающие частную торговлю и спекуляцию. Развозной торг разрешался только в поселках оседлых туземцев и на ярмарках для кочевого населения. В правилах предусматривался метод торговли. Торговец при посещении селения или стойбища обязан был предъявлять местным органам прејскурант товаров; продажа выше установленных цен строго воспрещалась. На 3-м Областном съезде Советов в октябре 1920 г. было вынесено решение о создании школ для обучения коряков и чукчей. Но при сложившейся политической обстановке эти мероприятия не могли дать ощутимых результатов, не могли быть претворены в жизнь.

В этот период на Дальнем Востоке национальную политику партии среди малых народов проводило буферное государство — Дальневосточная республика (ДВР), образованная по решению Центрального Комитета партии в апреле 1920 г.¹¹ Камчатка в период существования ДВР официально входила в состав республики до февраля 1921 г.¹² В этот период она была оторвана от материковой части из-за военных событий на Дальнем Востоке, поэтому мероприятия ДВР по национальному строительству не могли быть там реализованы.

В декабре 1920 г. в связи с усиливающимся натиском контрреволюционных сил по решению правительства ДВР Камчатский облисполком был реорганизован в Областной народно-революционный комитет, а на местах — в волостные и сельские народно-революционные комитеты.¹³ В октябре 1921 г. на военных судах под охраной японских кораблей в Петропавловск прибыли уполномоченные правительства Меркурьевых. Город оказался в руках контрреволюционеров. Другой ставленник Меркурьевых — Бочкарев овладел Охотском. Контрреволюционеры утверждают свою власть и в ряде других пунктов. Ревкомы вынуждены были уйти в подполье, чтобы оттуда продолжать борьбу. Под их руководством развивается партизанское движение. Репрессии и насилия белогвардейских банд вызвали протесты коренного населения. Многие коряки и ительмены сами стали активными борцами в партизанских отрядах.

Член Временного правительства на Камчатке И. Гапанович пишет о коряках: «Они были принуждены принять и личное участие в этой войне, и, как рассказывают, именно ими, выведенными из терпения угнетением новых завоевателей, были перебиты с большим ожесточением около Гижиги остатки бочкаревского отряда вместе с их начальником».¹⁴

¹¹ Дальневосточная республика существовала до 14 ноября 1922 г.

¹² Согласно договору между ДВР и РСФСР Камчатская область была выделена из состава ДВР и воссоединена с Советской Россией.

¹³ За власть Советов на Камчатке (1917—1923), стр. 52.

¹⁴ И. И. Гапанович. Камчатские коряки. Современное положение племени и значение его оленного хозяйства. Tientsin, 1932, стр. 68.

Широко развернулось партизанское движение на западном побережье Камчатки.¹⁵ В мае 1922 г. партизаны Тигильского района не допустили соединения отряда бочкаревых, шедших с Охотского побережья, с основными силами уполномоченных меркурьевского правительства Полякова и Бирича.¹⁶ М. А. Сергеев сообщает, что коряки-алюторцы совместно с частями Красной Армии ликвидировали остатки белых у бухты Корфа.¹⁷ 10 ноября 1922 г. был освобожден Петропавловск, и с этого времени на Камчатке окончательно устанавливается Советская власть. В конце 1922—начале 1923 г. с помощью частей Пятой Дальневосточной армии вся территория Охотско-Камчатского края была очищена от остатков белогвардейских банд.

После разгрома белогвардейщины органами власти на Камчатке временно остаются революционные комитеты, действующие до проведения выборов в Советы. К 28 февраля 1923 г. в уездах Камчатской губернии были созданы сельские комитеты: в Гижигинском уезде — 22, в Охотском — 22, в Петропавловском — 88; волостные комитеты находились в стадии организации.¹⁸ Камчатский губернский революционный комитет непосредственно подчинялся Дальневосточному революционному комитету. Дальревком в своей работе большое внимание уделял населению Камчатской губернии. В области экономики были предприняты меры к улучшению снабжения населения орудиями промыслов, упорядочению закупок пушнины и др. Оседлое население Камчатской губернии было освобождено от обложения единым сельскохозяйственным налогом, который был заменен более рациональным промысловым налогом.¹⁹ В отношении же кочевого населения было решено: «Впредь до окончательного разрешения Центром... от взимания... пушного налога с кочевого населения Камчатской губернии воздержаться».²⁰

Для работы среди малых народов Дальнего Востока при Дальревкоме в ноябре 1922 г. был создан Туземный подотдел

¹⁵ О партизанском движении в Корякском национальном округе опубликован ряд статей в газете «Корякский коммунист» (орган Корякского окружного комитета КПСС и окружного Совета депутатов трудящихся). Новые факты, например, приводятся в очерках Р. П. Юшина (1966, №№ 70, 85, 86; 1967, №№ 91—93) и др.

¹⁶ За власть Советов на Камчатке (1917—1923), стр. 73—75.

¹⁷ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. ТИЭ, нов. сер., т. XXVII. М.—Л., 1955, стр. 212.

¹⁸ Дальревком. Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке. 1922—1926 гг. Сб. документов. Хабаровск, 1957, стр. 65. — В декабре 1922 г. Камчатская область по решению Камчатского облнарревкома была переименована в губернию.

¹⁹ Дальревком. Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке. 1922—1926 гг., стр. 96, 97.

²⁰ Там же, стр. 181, 182.

Отдела управления Дальревкома.²¹ Ему была поручена защита интересов коренного населения, проведение мероприятий по улучшению его быта. Туземным отделом в 1924 г. было разработано «Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории Дальневосточной области».²² Это положение было направлено на практическое претворение в жизнь ленинской национальной политики в конкретных условиях Дальневосточной области. Ввиду политической отсталости малых народов им было предоставлено право «самоуправления согласно существующим обычаям, если таковые не противоречат основным положениям Конституции РСФСР».²³ На Камчатке, которая в то время являлась далекой периферией Дальнего Востока и где обстановка была сложнее, чем на материке, организация органов самоуправления задержалась.

Ревкомами Камчатки была проведена большая работа среди коренного населения по разъяснению основ советского управления.²⁴ Она охватила в первую очередь оседлое население Тигильского и Карагинского районов, в меньшей степени — Олюторского и Пенжинского. Кочевое же население оказалось почти вне сферы влияния ревкомов. Лишь с 1925 г. в связи с кампанией по выборам в общие советы была усилена работа среди кочевников. На места были посланы специальные уполномоченные ревкома, в задачу которых входила организация туземного управления.

Для уполномоченных был составлен план работы.²⁵ Он охватывал такие разделы, как: 1) обследование условий быта коренного населения, 2) предвыборную агитацию и 3) проведение самих выборов. Агитационная работа в период подготовки к выборам должна была быть направлена на разъяснение населению а) хода революции, б) сущности Советской власти, в) отношения Советской власти к туземному населению, г) цели и задач родовых собраний и родового управления.²⁶ Для этого рекомендовалось широко применять средства наглядной агитации — распространение листовок, плакатов, рисунков, воззваний, обращений и т. д. на местных языках.

В январе 1925 г. Камчатский губревком обратился к кочевым народам Камчатки с особым воззванием, в котором простым доходчивым языком были изложены основные принципы политики Коммунистической партии среди малых народов Севера. Приведем его полностью.

²¹ Там же, стр. 175.

²² Там же, стр. 175—180.

²³ Там же, стр. 175.

²⁴ Для руководства этой работой в 1925 г. при Камчатском ревкоме был создан туземный подотдел.

²⁵ Дальревком. Сб. материалов. Хабаровск, 1949, стр. 112—114.

²⁶ Там же, стр. 113.

«К вам, жители тайги и тундры, обращается Камчатский революционный комитет. Были в России плохие люди. Убивали и грабили они многих других людей, хотели от этого разбогатеть. Такие люди были и у нас на Камчатке. Тогда бедный народ собрался, взял ружья и стал прогонять плохих людей. Началась ужасная война. Народ страдал. Товара, чаю, табаку, муки, ружей, пороху стало мало. Пароходы перестали возить товар. Много пролилось крови в то время. Но бедный люд победил плохих. Народ кончил войну. Собрались все трудящиеся люди и создали сильную Советскую Республику.

Появился опять товар, мука, чай, много денег, ружья. Часто стали ходить пароходы. Российский народ теперь часто съезжается вместе и говорит о своих нуждах. Стали строить школы и больницы. Теперь они хотят и вам помочь, чтобы вы, кочующие по хребтам и тундрам, чаще съезжались вместе на родовые собрания и говорили о том, что нужно вам. Родовые собрания будут управлять вашими делами по советским законам, чтобы улучшить вашу жизнь. Выбирайте в родовые советы самых лучших людей, которые будут заботиться о вас. Правительство Советской Республики теперь состоит из самых лучших людей, выбранных от всего народа. Оно к вам всегда будет относиться, как отец к сыну, но и вы должны выполнять законы и повинности.

Обидит вас кто — идите в свои родовые Советы и скажите об этом, родовой Совет скажет об этом районному Совету, а он уже не даст вас в обиду и, если нужно, сообщит в город.

Если не знаете, что вам нужно делать, а что нельзя — съездите в родовой или районный Совет, и там обо всем расскажут; узнаете, когда можно охотиться на пушного зверя, а когда нельзя, чтобы зверь размножился, почему делают запуски. Нужна школа, больница — идите туда же и скажите об этом. Один из великих людей — товарищ Ленин говорил, чтобы ламут или коряк, или чукча многое знал — нужно учиться. Выучится он, вернется к своим людям и будет у них работать; говорить со своими он будет на своем языке. Узнает, что им нужно, и скажет нам, а мы уже поможем.

Советская Республика стремится, чтобы всем жилось хорошо, и вы должны помнить, что только она является защитницей всех трудящихся людей, таких, как вы, жители сурового Севера».²⁷

²⁷ Дальревком, 1949, стр. 110—111. — Текст этого «Обращения» был напечатан как введение к «Временному положению об управлении туземных племен Дальнего Востока», а также размножен в виде плаката (там же, стр. 111).

Выборы в сельские советы в Камчатской губернии впервые были проведены в начале 1926 г. Они совпали с новым районированием Дальнего Востока. Вместо Дальневосточной области был образован Дальневосточный край и упрощено внутрикраевое административное деление. Камчатская губерния стала округом, входящим в состав этого края. По новому административному делению территория расселения коряков вошла во вновь организованные районы: Пенжинский (центр — пос. Каменское), Тигильский (центр — пос. Тигиль) и Карагинский (центр — пос. Тилички). Во время выборов на территории современного Корякского национального округа был создан Корякский туземный район, объединяющий пять туземных советов.²⁸ Этим было положено начало организации органов управления среди коряков.

Перед тем как перейти к разбору деятельности новых органов управления, остановимся на мероприятиях общегосударственного характера, направленных на улучшение положения малых народов Севера.

Ликвидация последствий гражданской войны и интервенции, стабилизация экономического положения в стране дали возможность молодому Советскому государству в широком масштабе оказывать малым народам материальную помощь. К 1926 г. малые народы Севера пользовались многими экономическими льготами, закрепленными законодательными актами.²⁹ Эти законы имели силу и на территории современного Корякского национального округа. Народам Камчатки была оказана также значительная материальная помощь. Так, на снабжение бедняков-кочевников оленями государством была отпущена долгосрочная ссуда в размере 30 тыс. руб.³⁰ Для оказания помощи оседлому населению в годы недолова рыбы и других стихийных бедствий в Пенжинском районе был создан хлебозапасный магазин. Он вскоре был превращен в продовольственную базу. Кроме муки, в нем были сосредоточены запасы местных продуктов — мяса рыбы и т. д.³¹

²⁸ Отчет Камчатского окружного революционного комитета I Камчатскому окружному съезду Советов. Петропавловск-Камчатский, 1928, стр. 205.

²⁹ Важнейшие из них: «О порядке осуществления мероприятий, имеющих целью охрану туземцев Севера от эксплуатации» (СУ, 1924, № 18, ст. 180); «О снабжении населения Крайнего Севера продовольствием и предметами первой необходимости» (СУ, 1924, № 62, ст. 605); «О мероприятиях, направленных к организации правильной торговли в северных окраинах РСФСР и защите туземного населения от торговой эксплуатации со стороны частного капитала» (СУ, 1925, № 61, ст. 498); «О налоговых льготах племенам, населяющим северные окраины СССР» (СУ, 1925, № 74, ст. 543); «Положение о хлебозапасных магазинах для туземного населения Севера» (СУ, 1926, № 31, ст. 236), и др.

³⁰ Отчет Камчатского окружного революционного комитета..., стр. 184.

³¹ Отчет Далькрайисполкома за 1925/26 г. II Краевому съезду Советов. Хабаровск, 1927, стр. 408—409.

Успехи советского строительства на Севере в 1920—1924 гг. позволили перейти к разрешению основной задачи политики партии в национальном вопросе в районах Севера — к ликвидации всесторонней хозяйственной и культурной отсталости населения этих районов, к планомерному вовлечению его в социалистическое строительство. Если в 1920—1924 гг. мероприятия по поднятию хозяйства и культуры населения Севера имели региональное значение, т. е. касались тех или иных народов или групп, отдельных краев и областей, то с 1924 г. ставится общая задача национального строительства на Севере применительно ко всем малым народам. В связи с новыми задачами было создано специальное учреждение, занимающееся этими вопросами, — Комитет содействия народностям Северных окраин (Комитет Севера) при Президиуме ВЦИК РСФСР.³² В дальнейшем социалистическое строительство у малых народов Севера неотделимо от деятельности Комитета Севера.³³

Комитетом Севера совместно с местными организациями было разработано «Временное положение об управлении туземных народностей и племен Северных окраин РСФСР».³⁴ Оно являлось общим для всего населения, отнесенного к группе малых народов Севера. Введение в действие «Временного положения» преследовало важные политические задачи, а именно: «В целях защиты прав и интересов трудящихся туземцев Северных окраин, а также в целях вовлечения их в дело управления, наиболее полного и правильного проведения среди них законов Советского правительства, для поднятия их хозяйства и культурных условий жизни, организуются органы туземного управления среди народностей и племен Северных окраин РСФСР».³⁵ В основу организации органов самоуправления по этому положению, как и в большинстве местных положений, действующих до этого времени, был положен родовой принцип. Первичным органом власти являлось родовое собрание, которое избирало родовой совет. Род или другие объединения, занимающие определенный район, выделялись в самостоятельную административную единицу — туземный район. Высшим органом власти туземного района являлся районный тузем-

³² Организован 20 июня 1924 г. (СУ, 1924, № 57, ст. 556). Положение о Комитете Севера (СУ, 1925, № 12, ст. 79). В развитие этого постановления последовало учреждение местных Комитетов содействия народностям северных окраин (СУ, 1925, № 18, ст. 113).

³³ Деятельность Комитета Севера освещена в ряде специальных статей: А. Скачко. Десять лет работы Комитета Севера. СС, 1934, № 2; М. А. Сергеев. 1) Десять лет работы Комитета Севера. Сов. строительство, 1935, № 7; 2) Из опыта руководства КПСС некапиталистическим развитием малых народов Советского Севера. Вопросы истории КПСС, 1964, № 8, и др.

³⁴ Утверждено ВЦИК и СНК РСФСР 25 октября 1926 г. (СУ, 1926, № 73, ст. 575).

³⁵ Там же.

ный съезд, а в промежутках между съездами — туземный исполнительный комитет (тузрик), избираемый на съезде. Тузрик и родовой совет имели права юридического лица. Каждому родовому совету и туземному исполкому присваивались особые наименования.

Организация органов управления на территории расселения коряков, начатая, как было указано выше, еще в 1926 г., затянулась надолго. У кочевых групп была закончена только в 1930 г. Это объясняется целым рядом причин: отсталостью кочевого населения, плохими средствами связи, недостатком квалифицированных кадров партийных и советских работников на местах для ведения разъяснительной работы и др. Кроме того, местные работники при организации туземных районов и выборах родовых советов у коряков столкнулись с отсутствием у них родов и родового деления. Искусственно созданные царской администрацией для взимания ясака «роды» у коряков уже к началу XX в. сильно перемешались. Относительно некоторых групп коряков перепись 1897 г. не могла уточнить их «родовую» принадлежность. За прошедшие 30 лет с момента этой переписи родовые связи еще более ослабли и забылись. Это обстоятельство создавало дополнительные трудности при организации органов самоуправления.

В практической работе пришлось отступать от родового принципа и брать за основу национально-территориальный или национально-экономический. «Одной из характерных особенностей среди коряков некоторых районов было отсутствие какой-либо формы управления. Для организации первоначальных коллективных единиц — родовых советов приходилось брать за основу объединений признак — территориально-экономическую связь одноплеменного туземного населения в данном кочевом районе»,³⁶ — говорится в отчете Камчатского окружного ревкома. Вместо родовых создавались туземные органы власти — туземное собрание, туземный совет, районный съезд и туземный районный исполком. У оседлых коряков за основу был взят поселок или несколько соседствующих поселков. У кочевников туземные советы создавались на базе территориальных объединений, группировавшихся по крупным рекам (о них см. ч. I, гл. 3). Механическое претворение в жизнь «Временного положения» привело в ряде пунктов к искусственному созданию «родов». Так, например, тигильские оленные коряки были подразделены на несколько «родов», микинский «род» был образован решением Пенжинского райисполкома из нескольких селений каменных коряков.³⁷

В 1928 г. кроме Корякского туземного района (в Тигильском районе) было создано еще два: Восточно-Корякский (в Карагин-

³⁶ Отчет Камчатского окружного революционного комитета..., стр. 32.

³⁷ В. А. Зибарев. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968, стр. 160.

ском районе) и Западно-Корякский (в Пенжинском). Первый объединял десять туземных советов, из них семь корякских (Корфский, Карагинский, Кичигинский, Вывенский, Олюторский, Апукский, Теличинский);³⁸ второй — одиннадцать, из них пять у оседлых коряков (Каменский, Паренский, Итканский, Рекинниковский, Микинский) и четыре у кочевых — Ачайваемский, Хаймикинский (Тылхойский), Кеесквеемский и Рекинниковский (Ятытатваемский).³⁹ Всего в 1928 г. на территории современного Корякского национального округа в трех туземных районах функционировало 26 туземных советов.⁴⁰

В особо сложных условиях проходила советизация кочевых коряков. Сам по себе кочевой образ жизни осложнял проведение политической работы. Трудно было созвать туземный или районный съезд, вести разъяснительную работу, оказывать помощь и инструктаж вновь созданным органам управления. Поэтому по рекомендации Комитета Севера работа велась с учетом особенностей быта кочевников. Было разрешено выборы и пере выборы проводить не одновременно во всех местах, а на протяжении длительного периода, когда создадутся для этого необходимые условия.

На Камчатке для развертывания политической работы были использованы традиционные формы общения коряков — ярмарки. В конце 20-х и начале 30-х годов выборы органов самоуправления у кочевников северной части современного Корякского национального округа проводились на Апукской ярмарке, куда ежегодно весной собиралось большое количество коряков из Пенжинского, Олюторского и Карагинского районов. На ярмарке созывался районный туземный съезд, избирались тузрик и туземный суд, проводился инструктаж избранных органов власти. Вот как описывает первый туземный съезд, собравшийся на Апукской ярмарке в 1930 г., очевидец этого события, кинорежиссер А. Литвинов: «Возле большой яранги, украшенной лозунгами и флагами, открывается первый коряцкий съезд советов. Лозунги зовут туземцев к коллективизации, к новым формам хозяйства, к кооперации и культуре. Лозунгами увешаны не только стены палаток. Их прикрепили к шестам, к нартам. Председатель РИКа открывает съезд, переводчик немедленно переводит его слова на туземные наречия».⁴¹

На деятельности первых туземных советов сильно сказывалась политическая отсталость не только масс, но и руководящего состава органов самоуправления. Малопонятны корякам были сами принципы работы советов и их задачи. В протоколах тузсо-

³⁸ Там же, стр. 147.

³⁹ Архив ИЭ, К-II, оп. 1, № 220, лл. 32, 33.

⁴⁰ Отчет Камчатского окружного революционного комитета..., стр. 14.

⁴¹ А. Литвинов, М. Поляновский. Скачок через столетия. М., 1931, стр. 122.

ветов можно найти такие записи: «По всем вопросам ни один коряк не высказывался», или: «Говорить мы не умеем, у нас ум плохой».⁴² Неразвитость политического самосознания отразилась на социальном составе органов самоуправления. В подавляющем большинстве кочевых тузсоветов оказались избранными крупные оленеводы — бывшие «родовые» старосты, главы территориальных объединений: по Ачайваемскому совету — Тылман (крупный оленевод, стоящий во главе всей ачайваемской группы),⁴³ председатель Тайгоносского тузсовета Хачикьев (бывший староста и в прошлом также крупный оленевод),⁴⁴ председатель Тылхойского совета Иныло (самый крупный оленевод Пенжинского района)⁴⁵ и т. д.

Избрание в органы власти крупных оленеводов ставило работу советов в зависимость от их личной власти и экономического влияния на остальное население. Но в то же время нельзя было не учитывать того обстоятельства, что крупные оленеводы тогда еще пользовались авторитетом и играли большую роль не только в экономической, но и общественной жизни. В тех условиях с их помощью можно было, например, созвать собрания, на которых приезжие работники могли ознакомить трудящихся с важнейшими мероприятиями Коммунистической партии и Советской власти, разъяснить значение кооперации и т. д.

Потребовалась большая разъяснительная и практическая работа, чтобы коряки поняли не только сущность советского управления, но и привыкли к форме и структуре новых органов власти и сами смогли участвовать в их работе. Постепенно происходили сдвиги и в политическом сознании широких масс коряков. Стала осознаваться разница между богатыми и бедными. В 1930—1931 гг. большинство крупных оленеводов, таких как Тылман, Иныло и др., при поддержке населения были вытеснены из органов самоуправления. В результате этого значительно изменился социальный состав советов. Постепенно расширялся круг деятельности органов самоуправления и повышался их авторитет среди населения. Они занимались хозяйственными вопросами — содействовали кооперированию населения, помогали проведению заготовок, принимали меры к улучшению снабжения и т. д. В области культурно-просветительной и оздоровительной работы разъясняли населению сущность общегосударственных мероприятий, проводили самообложение на культурные нужды, содействовали учителям и врачам в их деятельности.

В 1930 г. на территории расселения коряков уже повсеместно были созданы органы самоуправления. Успехи в области хозяй-

⁴² Н. Н. Билибин. Классовое расслоение кочевых коряков. [Хабаровск], 1933, стр. 5.

⁴³ Н. Н. Билибин. Обмен у коряков. Л., 1934, стр. 25.

⁴⁴ Архив ИЭ, К-II, оп. 1, № 288, л. 24.

⁴⁵ Н. Н. Билибин. Классовое расслоение кочевых коряков, стр. 6, 9.

ственного и культурного строительства, рост политической активности и национального самосознания населения, опыт работы в органах самоуправления создали реальные предпосылки для перехода малых народов Севера к более высокой форме государственности — к национальной автономии. Постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера»⁴⁶ было утверждено новое национально-территориальное районирование северных окраин, образовано восемь национальных округов, и в их числе Корякский национальный округ. За организацией округов последовала реорганизация органов самоуправления. Вместо них были созданы органы государственной власти, действующие на основе общих законодательных норм и единых для всего населения, проживающего на данной территории, независимо от национальной принадлежности. По новому районированию административно-территориальными единицами стали: сельский совет, район и округ, входящий в край или область.

Учитывая особые условия работы органов советской власти, в северных национальных округах были созданы две формы низовых органов: 1) сельские советы (в пунктах, где оседлое население составляло большинство), действующие на основании общего положения о сельских советах; 2) кочевые советы (с преобладанием кочевого населения), действующие на основании особого о них положения.⁴⁷

Вслед за созданием национальных округов и перестройкой органов власти по территориальному принципу было реорганизовано на Крайнем Севере и судостроительство.

Корякский национальный округ в составе Дальневосточного края был образован с центром Пенжинская культбаза. В 1935 г. центр был перенесен в пос. Палану (Тигильский район). В состав округа были включены существующие районы: Тигильский (центр — пос. Тигиль), Пенжинский (центр — пос. Каменское), Карагинский (центр — пос. Карага) и новый — Олюторский (центр — пос. Тилички), образованный из северной части Карагинского района.⁴⁸

⁴⁶ СУ, 1931, № 8, ст. 98.

⁴⁷ Положение об окружных съездах советов и окружных исполнительных комитетах северных окраин РСФСР (СУ, 1932, № 39, ст. 176); Положение о кочевых советах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР (СУ, 1933, № 49, ст. 209).

⁴⁸ Первоначально округ подчинялся непосредственно Дальневосточному крайисполкому, с 1932 г. был включен в Камчатскую область. В границах 1930 г. округ сохранялся до 1953 г. В декабре 1953 г. в связи с образованием Магаданской области западная часть Пенжинского района отошла во вновь образованную область.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ. КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Здравоохранение. Состояние медицинского обслуживания на Камчатке к началу социалистического строительства было крайне неудовлетворительное. Та небольшая сеть лечебных учреждений, которая имела до революции, в годы гражданской войны и интервенции работала нерегулярно из-за недостатка средств и нехватки кадров.¹

У коряков отсутствие медицинской помощи и неблагоприятные санитарно-гигиенические условия вызывали в некоторые годы повышенную смертность, особенно среди детей. Так, естественный прирост населения за 1925—1926 гг. в среднем на 1000 человек составил —1,5 человека.² Тяжелым наследием прошлого являлись такие болезни, как туберкулез, сифилис, трахома. Распространению желудочно-кишечных заболеваний содействовала недоброкачественная пища.

Организации медицинской помощи и проведению санитарно-просветительной работы среди коренного населения мешала еще его общая культурная отсталость. Коряки и другие малые народы чуждались врачам, предпочитая лечению заговоры и камлание. С большим трудом прививались в быту правила личной гигиены и санитарного содержания жилища. В подавляющем большинстве коряки никогда не мылись. Н. Беретти из своих личных наблюдений описывает такой случай: «... одна корячка чистила эмали-

рованный таз: вместо того, чтобы его просто вымыть водой, она соскабливала с него грязь маленькой палочкой и ногтями».³

Уже в середине 20-х годов на Камчатке стали работать врачебные отряды Российского общества красного креста (РОКК). Задачей их являлось медицинское обследование коренного населения, выяснение причин распространения болезней и борьба с ними. В 1927—1928 гг. имелись два отряда РОКК в Тигильском и один в Пенжинском районах.⁴ Большое место в деятельности отрядов занимала профилактическая (в частности, прививка оспы) и санитарно-гигиеническая работа. В 1925—1926 гг. при врачебном пункте РОКК в Тигильском районе был организован стационар.⁵ В эти годы врачебная сеть на территории современного Корякского национального округа состояла из четырех фельдшерских и двух врачебных пунктов.⁶

В первые годы после образования Корякского национального округа были достигнуты значительные успехи в развитии здравоохранения. Расходы на медицинские нужды в 1936 г. по сравнению с 1931 г. выросли почти в 11 раз.⁷ Это дало возможность открыть новые больницы и фельдшерские пункты. В 1934 г. в округе уже функционировало 8 больниц с 53 койками и 14 фельдшерских пунктов. Их обслуживало 12 врачей, 14 фельдшеров и одна медсестра.⁸ В следующем году общее количество коек составило 165, т. е. увеличилось за один год почти в 3 раза. Для борьбы с социальными болезнями и эпидемиями были созданы санитарно-эпидемиологические станции. В 1940 г. работало 5 таких станций.

Работа лечебных учреждений проходила не с одинаковым успехом во всех районах. Из-за кочевого быта особенно трудно было наладить обслуживание оленеводов. Для оказания им медицинской помощи практиковались выезды врачей и других работников в стойбища, на ярмарки и в иные пункты сосредоточения кочевого населения. Лишь постепенно было сломлено недоверие коряков к лечебным учреждениям, когда они на опыте убедились в пользе медицины.

Несмотря на успехи в области здравоохранения, в предвоенные годы медицинским обслуживанием было охвачено далеко не все коренное население округа, число больничных коек было недостаточно, большинство участковых больниц находилось в неприспо-

³ Н. Н. Беретти. На Крайнем Северо-Востоке. Зап. Владив. отд. РГО, т. IV (XXI). Владивосток, 1929, стр. 15.

⁴ Отчет Камчатского окружного революционного комитета I Камчатскому окружному съезду Советов. Петропавловск-Камчатский, 1928, стр. 182.

⁵ Отчет Далькрайисполкома за 1925/26 г. II краевому съезду Советов. Хабаровск, 1927, стр. 76.

⁶ Отчет Камчатского окружного революционного комитета..., стр. 182.

⁷ Архив ИЭ, К-V, оп. 1, № 258, л. 3.

⁸ Там же, л. 50.

¹ Состояние медицинского обслуживания в Камчатской области в предреволюционные годы можно иллюстрировать такими данными: в 1912 г. на весь Гижигинский уезд имелось только два фельдшера, одна повивальная бабка и две сестры милосердия; в Петропавловском уезде — один фельдшер и три сестры милосердия (Обзор Камчатской области за 1912 год. Петропавловск на Камчатке, 1914, стр. 17).

² К. Б. Шавров. Этнический состав и естественное движение населения северных окраин Дальневосточного края. Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). Благовещенск, 1929, стр. LIV.

собленных зданиях, не хватало оборудования, ощущался недостаток медицинских кадров и т. д. Это положение стало постепенно исправляться только в послевоенные годы.

В годы семилетки сеть медицинских учреждений была реорганизована. В связи со сселением и ликвидацией некоторых поселков было проведено укрупнение больниц и перемещение их в новые здания, построенные по типовым проектам. Во всех населенных пунктах округа имелось какое-либо лечебное учреждение. Общее количество коек в них к 1 января 1965 г. достигло 595, число врачей — 125, среднего медицинского персонала — 284 чел.⁹ За эти годы намного улучшилось медицинское обслуживание коренного населения Пенжинского района, в котором на протяжении ряда лет был высокий процент заболеваемости. По обеспеченности населения больничными койками и врачами район занимал первое место в Камчатской области.¹⁰

Особое внимание органы здравоохранения уделяют медицинскому обслуживанию пастушеских бригад. Лечебную и оздоровительную работу среди них ведут специальные передвижные медицинские отряды. Только за 1968 г. было сделано 150 выездов для обследования здоровья оленеводов.¹¹

Для охраны здоровья детей созданы санаторные детские сады-ясли и санаторные группы при яслях. Такие ясли имеются в каждом районе округа. Для школьников организованы санаторно-лесные школы. Лечебно-профилактическая работа проводится также во всех детских учреждениях.

Народное образование. Существовавшая до революции в Камчатской области школьная сеть в годы гражданской войны сильно сократилась. Половина школ в этот период не функционировала. Камчатский ревком признал положение с народным образованием к началу 1923 г. катастрофическим.¹² Немногочисленные школы были сосредоточены в русских или обрусевших поселках и почти не обслуживали коряков. Грамотность среди них была очень низкой. П. Терлецкий приводит следующие показатели грамотности (отношение количества грамотных ко всему населению в возрасте 8 лет и старше): оседлые коряки — 20.6 мужчин и 8.3 женщин; кочевые — 1.9 мужчин и 0.3 женщин.¹³ Наиболее низкий процент грамотных был среди пенжинских коряков: шесть человек на всю массу кочевого и оседлого населения; наиболее высокий — среди карагинцев и паланцев, что объясняется близостью

⁹ Народное хозяйство Камчатской области. Стат. сб., Хабаровск, 1966, стр. 126, 129.

¹⁰ Там же, стр. 126, 127, 129.

¹¹ Газ. «Корякский коммунист», 1969, 14 июня.

¹² Камчатка в 1923 году. (Обзор Камчатской губернии по данным Камчатского губревкома). Чита, 1924, стр. 24.

¹³ П. Е. Терлецкий. Население Крайнего Севера. (По данным переписи 1926/27 г.). ТНИА ИНС, т. I, вып. 1/2. Л., 1932, стр. 28.

русских поселков и влиянием русской культуры на эти группы коряков.

Организация школьного образования среди коряков в первые годы Советской власти на Камчатке встречала те же трудности, что и здравоохранение: нехватку материальных средств, недостаток квалифицированных педагогических кадров; учителя сталкивались с нежеланием родителей отдавать детей в школу и незнанием последними русского языка. Первые корякские школы были открыты в 1923/24 учебном году. В 1925/26 учебном году в них уже обучалось 206 детей.¹⁴ Но в целом школьная сеть в районах расселения коряков до образования Корякского национального округа росла медленно. Отрицательное отношение населения к школе в этот период зафиксировано во многих документах. Журналист В. Канторович приводит дословные выдержки из протокола заседания Пенжинского съезда Советов 1928 г. (прения развернулись по вопросу открытия школы для местного населения). Чингвитин (оседлый коряк) заявил: «Однако у меня никто не станет учиться». Оленый коряк Иныло дополняет: «У нас тоже учиться не станут». Прения продолжались и далее в том же духе. После уговоров коряки заявили: «Мы власти повинемся, но детей учить не хотим».¹⁵ Таким же образом отнеслись к организации школы тайгоносские коряки: «Мы не желаем учить своих детей. Напрасно так долго держите нас на собрании».¹⁶

Школьное строительство на Камчатке, как и в других районах Крайнего Севера, велось с учетом особенностей быта этих народов. Кроме учебной работы, проводилась кропотливая воспитательная работа по приобщению детей к культурным и санитарно-гигиеническим навыкам, которые они не могли получить в семье. Наиболее целесообразным типом школы для народов Севера была признана школа-интернат. Школы-интернаты находились на полном государственном обеспечении. Дети в них получали бесплатное питание, одежду, белье. Тесный контакт с педагогами вне классных занятий позволил учащимся быстрее овладевать русским языком, постепенно освобождаться от суеверий и предрассудков. Воспитанникам прививались санитарные навыки — мытье рук, умение чистить зубы, пользоваться баней, употреблять белье и пр. При наличии в поселке врача санитарно-оздоровительная работа велась под его наблюдением. Успешное лечение детей поднимало и авторитет медицины среди населения.

¹⁴ Отчет Далькрайисполкома за 1925/26 г. ... Приложение «Камчатка», стр. 13.

¹⁵ В. Канторович. По советской Камчатке. М., 1931, стр. 154.

¹⁶ П. Ковалевский. В школе-юрте. СС, 1934, № 2, стр. 103.

Для оленеводческого населения были созданы специальные (кочевые) школы, которые передвигались вместе со стойбищем. Такие школы были временной мерой, чтобы обучить детей кочевников грамоте, сохраняя привычные для них условия. С расширением школьной сети и ростом авторитета школ оленеводы стали отпускать своих детей в интернаты.

Чтобы не нарушать традиций, не отрывать детей от родителей, а также чтобы население на практике уяснило значение и пользу образования, школы обычно создавались для детей одного поселка или стойбища, и поэтому в них часто контингент учащихся не превышал 10—30 человек.

Набор учеников проводился через туземные советы или на общих собраниях жителей поселка либо стойбища, которое решало, сколько детей направить в школу. Большая работа по организации первых школ у коряков была проведена сотрудниками Пенжинской культбазы и педагогическим персоналом Корякского национального округа. Успеху этой работы немало содействовал хороший подбор учительских кадров, направляемых Комитетом Севера. Педагогами в округе в 30-е годы работали такие знатоки корякского языка и этнографии, как Н. Богданова, С. Стебницкий, К. Бауэрман, и др.

Чтобы образование было доступно для корякских детей, учителя поставили вопрос о необходимости преподавания на родном языке. В решениях I Окружного съезда Советов Корякского национального округа, состоявшегося в апреле 1932 г., особым пунктом было записано: «Ввести во всех туземных школах обучение на родном языке».¹⁷

Созданием письменности для малых народов Севера в те годы занимался Институт народов Севера в Ленинграде. По корякскому языку эту работу возглавлял С. Стебницкий. Разработке письменности предшествовала большая исследовательская работа по изучению диалектов корякского языка. В основу литературного корякского языка был положен чавчувенский диалект, так как на нем говорила половина коряков. Алфавит был латинизированный, разработан на основе «Единого северного алфавита». В 1932 г. Научно-исследовательской ассоциацией Института народов Севера был выпущен первый букварь на корякском языке «Jissakalikal» («Красная грамота»), составленный С. Стебницким. Спустя два года вышла в свет книга для чтения «Kalikal jejgu-sevčŋkin».

Пока издавалась учебная литература в Ленинграде, некоторые учителя пользовались рукописными букварями, созданными в округе. В 1931—1932 г. имелись буквари на каменском, карагинском и алюторском (?) диалектах. Первый был составлен

¹⁷ В национальных округах и районах. (По материалам Комитета Севера). СС, 1933, № 1, стр. 131.

группой учителей Пенжинской культбазы Н. Богдановой, Д. Коваленко и Ф. Лонгиновым.¹⁸

В 1937 г. латинизированный алфавит был заменен алфавитом на русской основе. Это имело положительное значение — дети могли быстрее освоить русскую грамоту.

После выхода в свет букваря и книги для чтения на корякском языке появилось еще несколько учебных пособий (новый букварь, книга для чтения 1-го и 2-го классов, задачник), переводная общественно-политическая и художественная литература для детей, самоучитель корякского языка. В 1939 г. был издан первый корякско-русский словарь, составленный Г. Корсаковым.¹⁹ В работе по составлению и переводу многих из этих книг принимали участие коряки-студенты Института народов Севера.

К началу третьей пятилетки в области народного просвещения в Корякском национальном округе были достигнуты большие успехи. К 1937 г. расходы на нужды просвещения по сравнению с 1931 г. выросли более чем в 8 раз и составляли свыше 43% расходной части бюджета округа.²⁰ В связи с постановлением Партии и Правительства о всеобщем начальном обучении значительно возросло число учащихся. Количество корякских детей в школах увеличилось с 343 человек в 1931/32 учебном году до 803 в 1936/37 и до 920 в 1940/41 учебном году.²¹ В 1939 г. в округе функционировало 30 корякских школ,²² большинство из них были школами-интернатами.

С 1934 г. начинается строительство специальных зданий. За четыре года (с 1934 по 1937 гг.) были построены 21 школа и интернат. До этого большинство школ помещалось в жилых домах, часто в землянках (например, Каменская, Пахачинская, Култушинская, Тымлатская), даже в церквях (пос. Кичига). Кочевые школы работали в палатках или ярангах. В некоторых поселках (например, в Микино, Рекинники, Анапка) использовались «круглые» деревянные домики конструкции инженера Свиньина.

Произошел большой перелом и в сознании населения. Коряки, прежде отказывавшиеся отдавать своих детей в школу, стали агитаторами за нее: требовали присылки учителей, помогали строить школы.

Когда школа получила всеобщее признание у коряков, широко развернулась борьба с неграмотностью взрослого населения. Уже в первых школах вместе с детьми обучались и взрослые. В даль-

¹⁸ Е. П. Орлова. Десять лет социально-культурного строительства на севере ДВК. СС, 1935, № 3—4, стр. 53.

¹⁹ Г. М. Корсаков. Нымыланско(корякско)-русский словарь. М., 1939.

²⁰ Архив ИЭ, К-V, оп. 1, № 258, л. 3.

²¹ Там же, лл. 40, 43; К-II, оп. 1, № 144, л. 27.

²² Там же, К-II, оп. 1, № 143, л. 2.

нейшем для них создаются специальные группы. В 1935 г. при культбазе впервые были организованы окружные курсы по подготовке кадров, осуществляющих ликвидацию неграмотности. За три года (с 1935 по 1937 г.) на них было подготовлено 83 человека.²³ Все эти мероприятия дали эффективные результаты. К 1940 г. в основном была завершена работа по ликвидации неграмотности среди оседлого населения Корякского национального округа и значительно повысился процент грамотных среди кочевого.

Великая Отечественная война помешала планам дальнейшего развития народного образования в округе. В эти годы почти прекратилось строительство школьных зданий, не завозилась мебель, не хватало бумаги и тетрадей.²⁴ Не удалось также

осуществить всеобщее начальное обучение и полностью ликвидировать неграмотность, как было намечено третьим пятилетним планом. Но, несмотря на трудности военного времени, Партия и Правительство продолжали заботиться о малых народах Севера. Были сохранены прежняя сеть школ и государственное обеспечение детей коренного населения в интернатах.

Развитие народного образования в Корякском национальном округе в послевоенные годы показано на табл. 7.

Примечание. Данные заимствованы: за 1953/54 г. из КОА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 111; за 1958/59 и 1964/65 гг. из сборника «Народное хозяйство Камчатской области», стр. 113; за 1968/69 г. из газ. «Корякский коммунист», 1969, 15 апреля; сведения по малым народам за 1958/59 и 1964/65 гг. — из Архива ИЭ, Материалы Корякского отряда Северной экспедиции 1964 г.

На полном государственном обеспечении в интернатах и школах-интернатах находилось в 1964/65 г. свыше 80% детей коренного населения округа. В настоящее время все дети школьного возраста охвачены обучением (рис. 29).

Для повышения успеваемости и проведения воспитательной работы в национальных школах-интернатах округа были созданы подготовительные группы. В них принимают детей шести лет, с тем чтобы они под руководством воспитателей могли научиться навыкам правильного разговорного русского языка и подготовиться для поступления в 1-й класс.

В годы семилетки разворачивается строительство типовых школьных зданий, хорошо оборудованных, часто с паровым отоплением.

²³ Архив ИЭ, К-V, оп. 1, № 258, л. 46.

²⁴ КОА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 36.

С середины 50-х годов, как можно видеть из табл. 7, количество школ сокращается. Это было вызвано объединением колхозов и переселением жителей некоторых поселков на центральные усадьбы. В таких случаях происходило укрупнение школ, но число учащихся не только не уменьшилось, а наоборот, ежегодно увеличивается (см. табл. 7). Укрупнение при некоторых минусах позволило сконцентрировать средства на капитальное строительство школьных зданий, оборудовать их, подобрать квалифициро-

Рис. 29. Физкультурная зарядка школьников (фот. МАЭ, № И-1964-140).

ванные педагогические кадры, что было трудно сделать для «карликовых» школ. Но в то же время средние и неполные средние школы были ликвидированы и во многих реально существующих населенных пунктах (отделениях колхозов). Так, например, было сделано при объединении в 1964 г. трех колхозов Тигильского района — «40 лет Октября» (пос. Палана), «Путь Ильича» (пос. Лесная) и «Восход» (пос. Воямполка). После объединения средняя школа осталась только в пос. Палана, где дети из Лесновского и Воямпольского отделений этого колхоза могли продолжить свое образование (рис. 30).

Однако это влечет за собой длительный отрыв учащихся от семьи. Родители фактически отстраняются от воспитания и забот о своих детях. Такое положение отрицательно сказывается и на овладении подрастающим поколением производственными навыками в традиционных промыслах и оленеводстве.

Преподавание в национальных школах Корякского национального округа во всех классах с 1953 г. ведется на русском языке. Отказ от обучения на родном языке был вызван рядом причин. Основной являлось отсутствие педагогических кадров, хорошо владеющих корякским языком. Так, в 1964 г. из 157 учителей Олюторского района родной язык учащихся знали только четыре. Кроме того, чавчувенский диалект, на основе которого были составлены учебники, не всегда был понятен детям, говорившим

Рис. 30. В паланской школе-интернате (фот. Л. В. Гаркавого).

на других диалектах. С укрупнением же школ последние часто становились многонациональными. В них оказывались коряки, чукчи, эвены, русские, как например в некоторых школах Олюторского района, поэтому трудно было отдать предпочтение тому или иному языку.

Результаты общей культурной отсталости в прошлом до сих пор сказываются на качестве обучения детей коренного населения. Среди них еще высок процент второгодничества и отсева из-за низкой успеваемости. На преодоление этих недостатков направлено внимание окружных организаций и педагогических коллективов.

В настоящее время завершена ликвидация неграмотности среди взрослого коренного населения Корякского национального округа, но встречаются так называемые рецидивы неграмотности. Иногда люди старшего поколения, обученные грамоте и навыкам

письма, не закрепляют их и через 2—3 года забывают полученные знания, и их приходится снова обучать.

Сеть дошкольных учреждений округа начала развиваться в предвоенные годы. С 1936 г. стали выделяться специальные ассигнования на организацию детских садов и яслей. В 1937 г. в округе функционировал один детский сад. В эти же годы в некоторых колхозах были открыты ясли. В 1954 г. их насчитывалось 13.²⁵ С 1957 по 1964 г. контингент детей коренного населения,

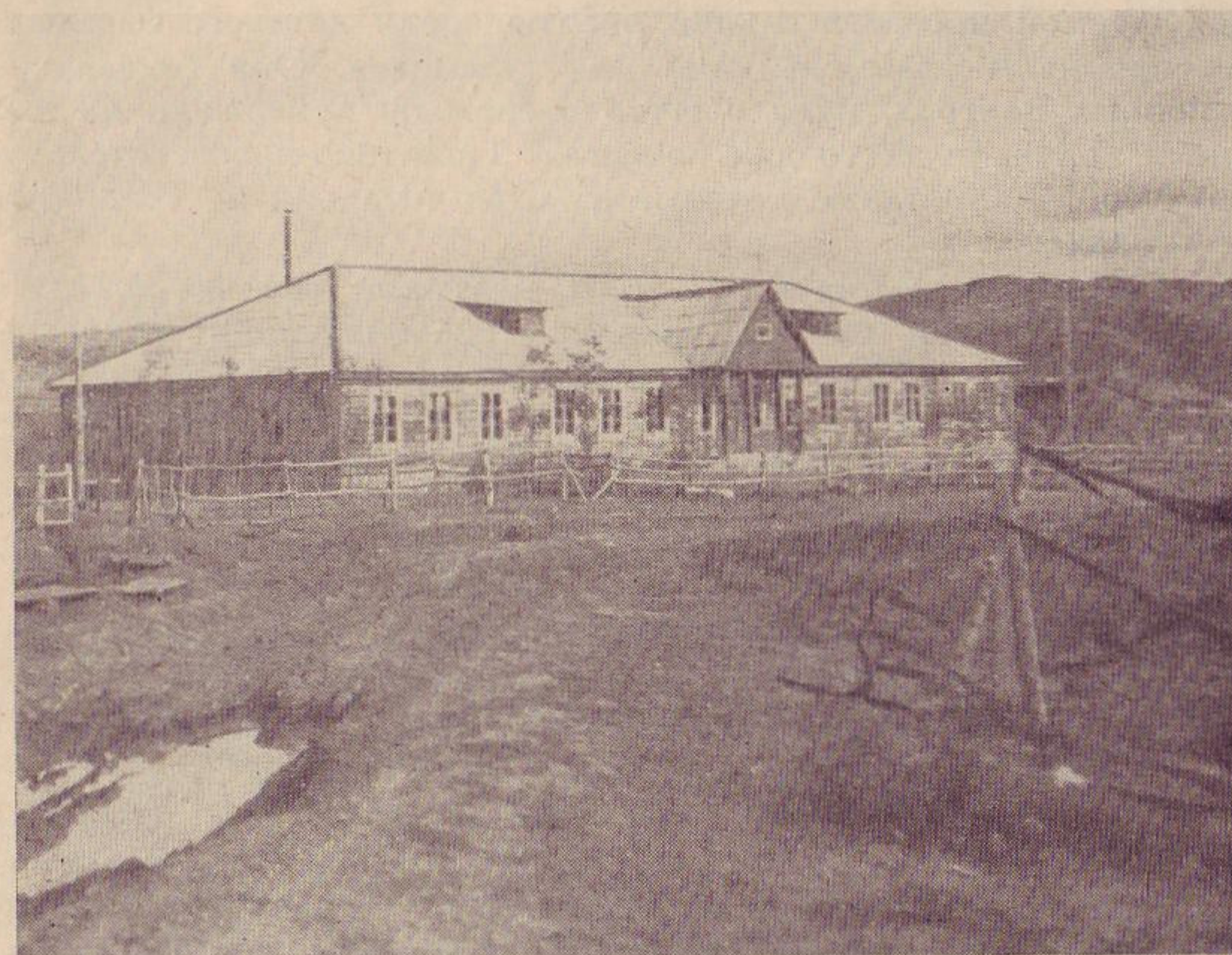

Рис. 31. Детские ясли (фот. МАЭ, № И-1964-287).

охваченных дошкольными учреждениями, увеличился в 8 раз. В годы семилетки и восьмой пятилетки ведется большое капитальное строительство новых зданий для этих учреждений (рис. 31). В настоящее время в каждом совхозе и колхозе и в их отделениях имеются детские сады и ясли, обычно объединенные. Ими охвачено около 85% детей малых народов Севера. Процент неорганизованных детей в основном падает на семьи, работающие в оленеводстве.

²⁵ КОА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 112.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
История изучения (4). Расселение и численность (14). Язык (16). Название и самоназвание (16). Локальные группы (17).	

ЧАСТЬ I

Коряки в конце XIX—начале XX в.

Глава 1. Основные виды хозяйственной деятельности коряков	21
Оленеводство (21). Рыбный промысел (25). Морской зверобойный промысел (32). Сухопутная охота (37). Собаководство (42). Сельское хозяйство (43). Домашние промыслы (44).	
Глава 2. Материальная культура	51
Жилище (51). Утварь (60). Пища (64). Одежда (66). Средства передвижения и способы ношения тяжестей (79).	
Глава 3. Общественные и семейные отношения	84
Черты общественного устройства оленных коряков (84). Черты общественного устройства оседлых коряков (94). Обмен (99). Семья и брак (102).	

ЧАСТЬ II

Коряки в годы Советской власти

Глава 1. Национально-государственное строительство	109
Глава 2. Хозяйственное строительство (1922—1965 гг.)	125
Преобразование хозяйства (127). Рыболовство (136). Оленеводство (140). Пушная охота (147). Морская охота (149). Домашнее животноводство (152). Овощеводство (154). Птицеводство (155).	

Глава 3. Развитие общественных отношений	158
Социалистическая собственность (158). Участие коряков в общественном производстве (161). Семейные отношения (167). Этнические процессы (169).	
Глава 4. Преобразование быта	174
Изменения в материальной культуре (174). Преобразование быта оленеводов (185). Общественная жизнь поселка (190).	
Глава 5. Здравоохранение. Культурное строительство	194
Здравоохранение (194). Народное образование (196). Культурно-просветительные учреждения (203). Национальные кадры (206). Формы национальной культуры (207).	
Заключение	212
Список сокращений	214

ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВНА
АНТРОПОВА

Культура и быт коряков

*Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР*

Редактор издательства Л. А. Карпова
Художник М. И. Разулевич
Технический редактор Р. А. Кондратьева
Корректоры Г. А. Александрова и Л. Б. Жукоборская

Сдано в набор 3/II 1971 г. Подписано к печати 11/VI 1971 г. Формат бумаги 60 × 90¹/₁₆.
Печ. л. 13¹/₂ = 13¹/₂ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 14.39. Изд. № 4148. Тип. зак. № 81. М-27409.
Тираж 1850. Бумага № 2. Цена 97 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
5	4 св.	(1733—1746 гг.)	(1733—1743 гг.)
9	11 сн.	обзоо	обзор
83	18 св.	подклеивали	обтягивали
86	8 св.	ховская	хойская
116	6 сн.	СУ, 1925	Собрание законов и распоряжений СССР, 1925
158	6 св.	(на средства	(на остальные средства

В. В. Антропова